

РАЗДЕЛ IV. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 613.7:63-051(47) “1920”

Багдасарян С.Д.
Сочинского государственного университета

ФЕНОМЕН КРЕСТЬЯНСКОГО КУРОРТА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920-х гг.

S. Bagdasarian
Sochi State University

THE PHENOMENON OF PEASANT RESORT IN SOVIET RUSSIA OF THE 1920-S

Аннотация. В статье раскрывается процесс регулирования властью развития курортов Советской России на материалах 1920-х гг. Автор показывает возможности ориентации лечебно-оздоровительных учреждений на нужды крестьянства. Приводятся отклики отдельных курортников о пребывании в конкретных здравницах. Вскрываются причинно-следственные связи сложившейся ситуации и объясняется, почему крестьяне зачастую не могли попасть даже на свой, им предназначенный курорт.

Ключевые слова: большевики, здоровье, колхозники, лечебно-оздоровительные учреждения, курорт, отдых.

Abstract. The article reveals the process of state regulation of resort system development in Soviet Russia based on the materials of the 1920s. The author shows the possibilities of orienting therapeutic and recreational facilities to peasantry needs. The responses of individual holiday-makers are provided on their stay at specified resorts. The author reveals cause-effect relationships of the situation and explains why farmers had difficulties at obtaining a stay at the resort though it was especially designed for them.

Key words: the Bolsheviks, health, farmers, spa facilities, resort, recreation.

Хотя большевики одержали в Гражданской войне убедительную победу, по ее окончании задача формирования и укрепления социальной базы созданного ими политического режима никоим образом не утратила актуальности. На закате «военного коммунизма», да и в период нэпа, градус пробольшевистских настроений советского общества был не столь уж и высок: значительная часть крестьянства и даже пролетариата высказывала недовольство тем, что повседневная действительность в «первом в мире государстве трудящихся» имеет мало общего с благостными заявлениями коммунистических лидеров. Крестьяне жаловались на высокие налоги, низкие закупочные цены на производимые ими сельхозпродукты и дороговизну промышленных товаров, рабочие возмущались неудовлетворительными материально-бытовыми условиями. Особенную же ярость и пролетариев, и земледельцев вызывали явные нарушения провозглашенных большевиками принципов равенства и социальной справедливости: обогащение предпринимателей-«нэпманов» в городе и «кулаков»

в деревне, бюрократизация партаппарата, складывание новых привилегированных слоев из числа партийных функционеров и советских чиновников.

Разумеется, в сложных социально-экономических и политических условиях 1920-х гг. лидеры компартии не могли одним махом разрубить завязавшийся в Советской России тугой узел проблем. С тем большей активностью большевики вели агитацию и пропаганду собственных достижений (и, одновременно, – порицание досоветских порядков), а также осуществляли разного рода меры, призванные доказать, что жизнь «простого человека» в созданном ими государстве все-таки улучшилась. Одной из таких мер стало курортное строительство и обеспечение санаторно-курортным лечением как можно более широких кругов пролетариата и крестьянства. В рамках представленной публикации мы рассмотрим реализацию отмеченного комплекса мероприятий в 1920-х гг., сосредоточив внимание на крестьянстве как социальной группе, чрезвычайно значительной и весьма важной в жизни Советской России.

По словам народного комиссара здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко, «курорты, пожалуй, лучше, чем что-либо другое, символизируют рабочему и крестьянину реализацию нашего лозунга: «кто был ничем» в царстве эксплуатации, «тот стал всем» в царстве труда» [6, 2]. Нарком был совершенно прав. Как бы напыщенно это ни звучало, но только в результате установления советской власти представители широких трудящихся слоев российского общества получили право побывать на курорте, о котором они и мечтать не могли до 1917 г. Большевики старались подкрепить делом заявления о том, что «крестьянин из деревни и рабочий с фабрики или завода раньше и мечтать не могли о курортном лечении, теперь же главная цель наших курортов – обслужить возможно полнее и в первую очередь именно эти группы трудящихся» [1, 19]. Уже в декабре 1920 г. был издан декрет за подписью В.И. Ленина «Об использовании Крыма для

лечения трудящихся», в котором заявлялось, что «дворцы бывших царей и великих князей должны быть использованы под санатории и здравницы рабочих и крестьян».

Правда, предоставленное народу революцией право отдыхать и лечиться на курортах и в санаториях не сразу стало возможностью, которой можно было воспользоваться. После ожесточенных междоусобных боев 1917 – 1922 гг. здравницы и лечебницы лежали в руинах. Тот же Семашко констатировал, что во время Гражданской войны, «как на зло, все курортные местности» оказались «в районах ожесточенных боев – на юге, в Поволжье (кумысы), на Кавказе». Поэтому «в лучших водолечебницах на Кавказе стояли лошади белых армий. Красивейшая во всей Европе Эссентукская грязелечебница, новенькое, только перед войной законченное здание, представляло собой храмину с продырявленной крышей, развороченными стенами: снег падал прямо на новенький, красивыми плитками устланный пол; целые болота воды стояли во всей грязелечебнице; вся техническая аппаратура была разграблена по гайкам и по винтикам; дорогие стекла все выломаны». Масштабы разрушений были громадны, так что крайне сложной представлялась «задача залечить эти не раны, а развороченные места живого мяса» [6, 2].

Поскольку разрушенные курорты практически не могли функционировать, первоочередной задачей после Гражданской войны являлось не налаживание их работы, а элементарное восстановление. При этом большевики преследовали задачи не только реанимации курортной базы, но и переориентации ее деятельности в соответствии с проводимой ими социальной политикой. «Строить советские курорты», строго замечал Семашко, «вовсе не значит обезьянничать с буржуазных» [6, 2], потому что здравницы социалистического государства предназначались отнюдь не для узкого круга избранных нуворишей или власть предержащих, а для широких слоев трудящихся.

Все же, хотя по мере восстановления курортов они и в самом деле стали целенап-

равленно заполняться представителями трудового населения, это относилось в первую очередь к рабочим и служащим, но не крестьянам. Вместимость курортов была ограниченной и, с учетом ведущего вектора социальной политики большевиков (ориентированной на поддержку городского пролетариата), заполнялись они горожанами, но не селянами. Социальные диспропорции при подборе курортников вызывали вполне понятную негативную реакцию земледельцев и, хотя вопросы лечения не являлись для них сколь-нибудь заметными, они накладывались на массу других раздражителей (таких, например, как налогово-заготовительная политика большевиков) и усиливали недовольство советских хлеборобов. Все это не могло не беспокоить лидеров компартии, предпринявших определенные шаги по сглаживанию явных диспропорций в представительстве крестьян и рабочих на курортах и в санаториях Советской России в 1920-х гг. Осуществлялись определенные меры по увеличению процента крестьян в советских здравницах и, более того, было решено создать специальные крестьянские курорты. Тем самым, по замечанию Семашко, курорты должны были превратиться в «ремонтные мастерские здоровья не только рабочих, но и крестьян» [7, 353].

Для того, чтобы на курорте или в санатории оказалось больше крестьян, мало было просто выделить им соответствующее количество мест и разослать приглашения. Дефицит материальных средств не позволял аграриям воспользоваться возможностью отдохнуть и подлечиться, даже если она была им предоставлена. Если лечение рабочих на курорте оплачивали профсоюзы, то крестьяне были лишены подобной же организации (а всякие попытки создать нечто подобное наткнулись на жесткое противодействие коммунистов, не без основания опасавшихся, что «крестьянские союзы» могут превратиться в самостоятельных игроков на политическом поле). В этих условиях государство великодушно взяло на себя все расходы. Как отмечалось в одной из журнальных публика-

ций, «крестьяне для получения бесплатного места на курорте должны обращаться через участкового врача в уездный отдел здравоохранения. За счет государства на курорты направляются исключительно больные крестьяне от сохи, отнюдь не сельские служащие, причем предпочтение отдается тем из них, которые были под длительным врачебным наблюдением. Крестьяне получают не только бесплатную койку, содержание и лечение на курорте и бесплатный проезд туда и обратно, но снабжаются также и суточными на дорогу. Все бесплатные крестьянские койки Наркомздрав распределяет по губздравам, которые в свою очередь распределяют их по уздравам, а уздравы совместно с крестьянскими комитетами взаимопомощи устанавливают – кого из крестьян, в зависимости от социального положения и состояния здоровья, следует послать на курорт в первую очередь» [1, 19].

Вышеописанный порядок направления земледельцев в места отдыха и лечения выглядит четким, продуманным и логичным. Однако количество вакансий для крестьян на курортах и в санаториях было невелико, так что, по существу, очередь нуждающихся в лечении практически стояла на месте.

В дополнение к существующему порядку курортного лечения хлеборобов, советское правительство приняло решение об организации специального крестьянского курорта. Отмеченная инициатива вряд ли была способна кардинально изменить ситуацию в сфере санаторно-курортного лечения земледельцев (ведь наполняемость даже специальных здравниц была не столь уж и высокой, как будет показано далее), зато ее пропагандистское значение нельзя недооценивать. Эта, как ныне принято выражаться, пиар-акция призвана была продемонстрировать крестьянам внимание и заботу со стороны большевиков и, следовательно, укрепить ответные добрые чувства аграриев.

Крестьянский курорт планировалось открыть в Крыму, в Ливадии, в бывшей царской резиденции, что, конечно, нельзя было не признать глубоко символичным: дворец передан народу, как о том заявляла советская

власть (по всей видимости, указанный символизм в некоей мере предопределил именно выбор Ливадии). Постановлением Совнаркома РСФСР от 12 декабря 1924 г. предусматривалась передача Ливадии в ведение Наркомата здравоохранения с последующей организацией здесь бесплатного крестьянского курорта на 300 койко-мест. 20 февраля 1925 г. Совнарком РСФСР постановил увеличить емкость Ливадийского санатория до 500 коек, выделив для ремонта зданий и переоборудования их под здравницу 50 тыс. руб. По заверениям же Семашко, в санатории 300 бесплатных мест предоставлялось государством, и еще столько же было арендовано губернскими и уездными исполкомами у Главного курортного управления на льготных началах: тем самым емкость Ливадийского крестьянского курорта могла достигать 600 мест [7, 353].

На этом забота властей об устройстве крестьянского курорта не закончилась. На апрельском (1925 г.) пленуме ЦК РКП(б) председательствующий Л.Б. Каменев предложил «принять постановление об ассигновании миллиона или пары миллионов (это будет зависеть от съезда) на крестьянские курорты... Во всяком случае я считаю, что какую[-]нибудь ассигновку для крестьян в области курортов сделать необходимо». На поступившее от Каменева предложение присутствовавший на пленуме член ЦК компартии Украины В.Я. Чубарь возразил, что «лучше снизить налог», это будет с большей благосклонностью воспринято практичными по натуре крестьянами. Каменев, однако, твердо отстаивал свою точку зрения («нет, я не согласен[,] совсем не лучше снижать налог»), справедливо заметив, что «сколько бы не снижали налог, все равно крестьяне будут указывать пальцем, что рабочие ездят лечиться на курорты, а крестьяне не ездят. Тут вопрос политический, и необходимо пойти на встречу крестьянам»¹. В итоге представители партийной верхушки пришли к выво-

ду о необходимости увеличения дотаций на курортное лечение крестьян. Разумеется, состоявшийся в мае того же года XII Всероссийский съезд Советов продублировал решения партийного форума и принял постановление с рекомендацией «расширить курортную помощь крестьянам».

Ливадийский крестьянский курорт, первым директором которого стал С.И. Кащенко (однофамилец известного российского психиатра), был подготовлен к приему больных в кратчайшие сроки: уже весной 1925 г. открылись корпуса для проживания больных, водолечебница, лаборатории и пр. Поступления больных на курорт ждали также весной. Контингент следовало формировать в соответствии с циркулярными указаниями Наркомздрава «О способе отбора больных крестьян для лечения на курортах», разосланными на места. Здесь подчеркивалось, что в Ливадию следует направлять «исключительно крестьян от сохи». В самом конце апреля 1925 г. в Ливадию приехали первые 10 больных крестьян, а к 20 мая здесь было уже 262 недужных хлебороба из 30 областей и 7 союзных и автономных республик СССР.

Торжественное же открытие санатория состоялось 28 июня 1925 г. и проходило в соответствии с отработанным к тому времени коммунистическим ритуалом. Бывший дворец, превращенный в санаторий, украсили красными флагами и цветами, был устроен митинг, на котором присутствовали как лечившиеся в Ливадии крестьяне, так и все окрестные отдыхающие и местные жители. В президиуме, заседавшем на одной из террас дворца, находился лично Н.А. Семашко, поэт Демьян Бедный, представители ВЦИК и Совнаркома и т. д. Как само торжество, так и возможность подлечиться в бывшем царском дворце сильнее всего действовали на сознание крестьян. Семашко позже вспоминал: «мы сидели за столом президиума на террасе Ливадийского дворца», видя перед собой сотни больных, пришедших на торжество. «И вдруг раздается сигнал автомобиля. В середине торжества привезли новую партию больных крестьян. Они со-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 2. Д. 172. Л. 5-6.

шли с автомобиля бледные, измученные, с растрепанными головами и нечесаными бородами... Толпа наших гостей стала горячо аплодировать приехавшим, а близ стоявшие стали вынимать прибывших и высоко качать. Надо было видеть лица у взлетающих вверх бородачей. Один из них крестился; другие цеплялись за руки, а некоторые тоже принялись хлопать в ладоши. Я посмотрел на выражение их лиц и поспешил сбежать с трибуны, чтобы прекратить этот восторженный прием: я боялся, что приехавшие сойдут с ума от своих впечатлений. И, по-видимому, я поступил предусмотрительно: несколько человек, ставши на землю, как-то странно заливались смехом, хлопали руками, хотя все перестали уже аплодировать» [6, 3].

В основном, поступавшие в Ливадию крестьяне были больны туберкулезом: целебный воздух Крыма должен был им помочь в борьбе с болезнью. Персонал санатория подвергал вновь прибывших обязательной санобработке: их вели «стричься, бриться, мыться и переодеваться» [6, 3]. Как свидетельствуют сохранившиеся фотографии, на курорте бывшие бородачи ходили гладко выбритыми, а нередко и стриженными наголо [4, 670]. Больные бесплатно получали чистую постель, белье, питание, не говоря уже о собственно лечении. Обычно период пребывания на курорте составлял 6 недель, но нередко его продлевали с целью закрепления достигнутых результатов. Помимо лечения, в санатории проводилась культурная, образовательная, пропагандистская работа: устраивались лекции, читки газет, работали читальни и кружки по ликвидации неграмотности. Можно было поиграть в шахматы, домино и другие игры. Хлеборобам предоставлялась возможность заниматься физическим трудом, без чего они, привыкшие к вечным заботам по хозяйству, чувствовали себя не в своей тарелке (налицо была угнетенность психики, что не лучшим образом сказывалось на общем самочувствии). Например, на фото запечатлены моменты, когда лечившиеся в Ливадии крестьянки работают в цветнике [4, 670].

Добавим, что курорты оказывали благотворное влияние не только на лечившихся в них крестьян, но и на окрестное сельское население. В последнем случае имеется в виду тот факт, что хлеборобы, жившие возле курорта, получали неплохие доходы от продажи отдыхающим и администрации санаториев овощей и фруктов, от занятий извозом, и т. п. Как писал один из советских журналистов о грязелечебном курорте Солониха на Северной Двине, местные крестьяне «разбогатели от курортников, позастроились. Теперь у крестьян под рукой и доктор, и аптека, и курортник – потребитель меда, молока, ягод и свежей рыбы. Некоторые местные крестьяне стадии жить извозом, доставляя на курорт с пристани больных и едущих к ним знакомых» [3, 14].

В социально-политическом плане лечение крестьян на курортах и в санаториях, как и рассчитывали большевики, в определенной мере содействовало укреплению коммунистических симпатий в деревне. Курорт оказывал на сознание и настроения простых хлеборобов сильнейшее воздействие: «крестьянин, который часто и своего губернского города во всю жизнь не видал, мчится в поезде за тысячи верст, смотрит на новую, невиданную им жизнь, слезает в Крыму, с его морем, горами, с новой фауной и флорой, и живет не в курной избушке вместе с овцами, телятами, поросятами, а в царском дворце, спит не на грязном “зипуне”, а на чистом белье мягких кроватей, питается так, как об этом и не мечтал» [6, 2].

Один из побывавших на курорте крестьян написал восторженное письмо в «Крестьянскую газету», обширную выдержку из которого (уже вводившегося в научный оборот) мы считаем целесообразным процитировать: «...Когда я был в восхищении представлен к воротам этого рая (курорта – *авт.*), грязный, оборванный, грешный, от сохи крестьянин, то мне представилась следующая картина: ко мне откуда-то явился Ангел в чистой белой одежде и повел меня по мытарствам, которые мне неминуемо было пройти, как грешнику бедноты. И вот первое мытарство: с моей го-

ловы остригли начисто волосы и потом обобрыли мне бороду, и я во всём подчинялся. После этого другой Ангел повел меня в теплое и светлое помещение, где мне дано было мыло и какое-то мягкое вещество, и мне было сказано чисто умыться под фонтаном чистой теплой воды, и я подчинялся, после чего мне показалось очень хорошо и приятно. Пройдя это мытарство, передо мной явилась чистая, белая и красивая Ангельша, которая повелела мне следовать за ней, и я подчинялся. Она привела меня в чистое и светлое помещение, где мне было уготовано место покоя... О чудо, как я крепко и сладко спал в такой мягкой постели!» [2, 304]. Далее в письме в таком же восторженном тоне повествовалось о процессе лечения.

В прессе справедливо указывалось, что курорты оказывают на жизнь крестьян многообразное влияние: «...Путешествие на курорты для крестьянина, да и для рабочего – наглядный урок политграмоты; пребывание на курорты – школа гигиены [и] санитарной культуры; те навыки культурной жизни, которые крестьянин и рабочий получают на курортах, не скоро забудутся ими и по возможности (конечно, далеко не полностью) будут применяться ими в их быту» [6, 2]. В особенности важным, разумеется, представлялось именно политическое значение курортов.

Как отмечал Семашко в 1925 г., «из описаний, статей и речей нельзя составить себе точного представления о политическом значении этого дела. Лучшее средство для этого – поговорить с самими крестьянами. Вот когда видишь самих крестьян в этой новой обстановке, когда слышишь их бесхитростные речи – как в их собственном сознании преломляется это событие – тогда только начинаешь понимать и оценивать его. Крестьянские курорты за одно лето разошлют тысячи агитаторов по самым отдаленным уголкам Союза, которые будут в письмах, в беседах на завалинке у избы, на сходах, в трактирах, всюду и везде, рассказывать о солнечной, красивой, чистой жизни и славословить советскую власть» [4, 854]. В своей статье нарком здравоохранения утверждал: «...В

первые годы существования крестьянского курорта (теперь поездки крестьян на курорты стали уже “бытовым явлением”), каждый возвратившийся с курорта являлся каким-то былинным сказителем для окрестного населения: чтобы послушать “курортника”, крестьяне собирались издалека, и на скамеечке у сельсовета шли рассказы и расспросы, что такое курорты и как крестьяне живут в царском дворце. Кто далеко стоит от курортного дела, тот и не знает, что вокруг курортов и в особенности вокруг Ливадийского дворца стали складываться у крестьян целые легенды» [4, 854].

Вряд ли возможно оспаривать такого рода утверждения: действительно, курорты служили для земледельцев Советской России наглядным подтверждением усиленно навязываемого им тезиса о неустанной заботе «партии и правительства» о трудящихся. Вместе с тем нельзя и преувеличивать социально-политический эффект курортов и санаториев в жизни деревни. Несмотря на все усилия большевиков, в 1920-х гг. попасть на курорты могли весьма немногие жители села, так что основная масса воспринимала рассказы об этих здравницах именно как легенды, а не быль. Исправить положение могло бы строительство новых крестьянских курортов и увеличение приема хлебобобов в иные здравницы. Но этого, в силу дефицита ресурсов, советское правительство сделать не могло.

Безусловно, позитивные сдвиги в курортном строительстве были налицо. Во второй половине 1920-х гг. советские журналисты бодро утверждали: «...Курорты СССР с каждым годом делаются все более доступными для трудящихся. Из года в год растет число коек в курортных санаториях и общежитиях, увеличивается жилплощадь в гостиницах, на курортных дачах. Трудящиеся получают различные льготы в виде постепенного снижения стоимости курортных коек, в виде рассрочки при оплате курортных мест, а в некоторых случаях и в виде кредита» [1, 19]. В частности, 1 февраля 1928 г. сообщалось, что курорты Северного Кавказа готовятся к

новому сезону, сеть их расширяется и совершенствуется. Вместо прошлогодних пяти санаториев в 1928 г. в Мацесте будет их шесть: здесь строится новый «отель-санаторий», на постройку которого отпущено 600 тыс. руб., и она должна завершиться к 1 мая текущего года. Пропускная способность мацестинских ванн увеличивается: сейчас там строится 10 новых ванн, в 1929 г. будет построено еще 10. Кроме того, «ведутся работы по сооружению стадиона. Впервые в Сочи организуется лечебный пляж» [8].

Однако масштабы позитивных изменений в области курортного строительства и санаторно-курортного лечения были слишком скромны, чтобы удовлетворить нужды всего населения Советского Союза и, в частности, крестьянства. Даже в конце 1920-х гг. в прессе содержались печальные признания в том, что «в наше время колоссальнейших затрат правительства на поднятие сельского хозяйства, на индустриализацию, на исключительные по объему культурные надобности населения не представляется пока возможным отправлять на курорты всех нуждающихся в курортном лечении и отдыхе. И не только утомленные и надорванные работой рабочий от станка, крестьянин от сохи и служащий от конторки не могут в настоящее время устроиться на курорт за счет государства, но далеко еще не всякий больной, безоговорочно нуждающийся в курортном лечении, сможет получить государственную курортную койку» [1, 19].

К исходу 1920-х гг., как и в начале указанного десятилетия, крестьяне по-прежнему отправлялись на курорты в последнюю очередь, после рабочих, служащих, представителей партийной номенклатуры и советской администрации. Даже на Юге России и Северном Кавказе, где располагались многие известные в СССР курорты, местные хлеборобы почти не пользовались их услугами. В частности, в конце 1920-х гг. руководство Терского округа Северо-Кавказского края сухо указывало, что «в санаториях лечится чуждый элемент, а крестьян [там] нет», «в отношении курортов мало дают мест в сана-

торий, и дают только за дорогую цену»¹.

Так же было и по всей России, да и по всему Советскому Союзу. Семашко признавал в 1929 г.: «...Мы сейчас в состоянии отпускать лишь 1 млн. [руб.] в год на курорты для крестьян. Это, конечно, очень скромно для 100-миллионного крестьянского населения» [6, 2]. Процент проходивших лечение земледельцев, по признанию наркома здравоохранения РСФСР, был ничтожен из-за малой вместимости курортов и санаториев: «...Как можно тысячью крестьянских коек удовлетворить нужды стомиллионного крестьянского населения?» [6, 2]. Вопрос этот, конечно, был риторическим.

Итак, в 1920-х гг. (как, впрочем, и на всем протяжении советской эпохи) функционирование курортов и санаториев, курортно-санаторное лечение населения преследовало не только узкопрактические функции исцеления больных и ослабевших граждан СССР, но еще и задачи укрепления социальной базы большевистского режима. В соответствии с классово-доктриной большевиков, курорты и санатории были закрыты для представителей эксплуататорских классов и «социально-чуждых» элементов, но радушно распахивали двери для рабочих, служащих, крестьян. Лидеры компартии старались увеличить численность крестьян на курортах и в санаториях путем расширения вместимости таковых и путем создания специальных крестьянских здравниц. Результатом подобных мер должно было стать не только улучшение здоровья сельского населения, но и усиление его симпатий к советской власти и коммунистам как политической силе, претендующей на монопольное обладание властью в СССР. Однако дефицит средств не позволял большевикам охватить санаторно-курортным лечением сколь-нибудь заметные по численности группы российских земледельцев, в связи с чем социально-политическое значение советских здравниц для населения деревни было весьма скромным.

¹ Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИ СК). Ф. 5938. Оп. 1. Д. 31. Л. 106.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Егоров Н. Что надо знать едущим на курорты? // Красная нива. 1929. № 20. С. 18-25.
2. Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история (г. Москва). Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 302-306.
3. Зингер М. Курорт Солониha // Красная нива. 1929. № 20. С. 12-16.
4. Красная нива. 1925. № 29. С. 820.
5. Семашко Н.А. Итоги курортного сезона // Красная нива. 1925. № 36. С. 852-864.
6. Семашко А.Н. Курорты и борьба за новую культуру // Красная нива (г. Москва). 1929. № 20. С. 2-6.
7. Семашко Н.А. Что такое курорты СССР // Красная нива. 1925. № 15-16. С. 353-358.
8. Сочи – Мацеста // Молот (г. Ростов-на-Дону). 1928. 1 февраля.

УДК 94(470.6)“1927”

Панкова-Козочкина Т.В.

*Южно-Российский государственный технический университет
(Новочеркасский политехнический институт)*

**ВОЗДЕЙСТВИЕ НА МЕНТАЛИТЕТ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЮГА РОССИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ 1927 г.**

T. Pankova-Kozotchkina

*South Russia State Technical University
(Novocherkassk Polytechnic Institute)*

**1927 FOREIGN POLICY EVENTS IMPACT ON SOUTHERN RUSSIA
RURAL POPULATION MENTALITY**

Аннотация. В условиях назревания военного конфликта между СССР и Англией в 1927 г. сельские обыватели по-своему представляли и объясняли, как и почему сложилось и развивалось противостояние между этими странами. На основе архивных материалов в статье раскрывается проблема восприятия крестьянством Юга России вероятностного конфликта с ведущей европейской державой. На материалах Юга России 1920-х гг. автор показывает разрыв между идеальными политическими конструкциями правящей партии и социальной реальностью.

Ключевые слова: образ войны, крестьяне, казаки, Красная Армия, сельские обыватели, слухи, советско-английские отношения.

Abstract. With the maturing of the military conflict between the USSR and Britain in 1927 rural inhabitants of Southern Russia in their own way interpreted how and why the confrontation between the two countries emerged and developed. On the basis of archival material the article reveals the problem of peasantry's perception of the conflict with the leading European power.

Key words: the image of war, peasants, cossacks, the Red Army, rural inhabitants, rumors, Soviet-British relations.

В мае 1927 г. правительство Великобритании разорвало отношения с СССР, обвинив советско-партийное руководство во вмешательстве во внутренние дела Соединенного Королевства. Обострение советско-английских отношений имело следствием распространение среди граждан СССР убеждения в близости войны с капиталистическим миром. Убеждение это основывалось на том, что верхушка ВКП(б) во главе с И.В. Сталиным уверенно заявляла о неизбежности вооруженного конфликта СССР с Великобританией и ее союзниками,

© Панкова-Козочкина Т.В., 2012.